

Экскурсия в бездну души

Как самый обыкновенный, и я бы даже сказал - простой житель небольшого городка, это, по меркам густонаселенной Европы, официально должен заявить вам, во весь свой осипший голос, следующее: что являюсь лицом, глубоко урбанизированным, и если хотите буржуазным, потому что не могу представить себя праздно шатающимся, а тем более живущим, даже на самое не продолжительное время где-то в деревенской глуши.

На земле! Не подумайте, что сейчас я живу на небесах, в силу вышесказанного, потому что человек, не живущий на земле, должен выбрать для себя другое, достойное место проживания, которое никак не соприкасается с мирской жизнью.

Не скажу, чтобы меня не умиляла, не трогала до слез, картина сельской действительности, или ландшафтные пейзажи не будили во мне прошлого ностальгического чувства о том, что мы все когда-то вышли из народа, а он, как известно, жил, жив, и будет жить на лоне девственной природы, безропотно подчиняясь ее вечным законам, но при этом ревностно охраняя свои патриархальные традиции.

Моя единственная среда обитания, или ареал физического существования – это город, и только город, поскольку именно там, я, как нигде чувствую себя хорошо и привольно. Как раз в ограниченности пространства, я и ощущаю, те четыре стены, которые и составляют основные признаки родного дома, без которого человеку просто нельзя прожить на этом свете. Поэтому я и люблю свой город, как, наверное, каждый из вас находит что-то притягательное в своем. Сейчас я имею в виду жителей городов: больших и малых, столичных и провинциальных, богемных и захолустных, знаменитых и обделенных исторической памятью и преходящей славой. Для многих обитателей таких городишек перечисленные выше характеристики не имеют никакого значения, потому что они просто родились в том или ином городе, и часто за его пределы просто не выезжали. Они просто живут в нем и не замечают: ни хороших, ни плохих его сторон; в силу человеческой привычки смотреть себе всегда под ноги, а не витать с высоко вытянутой головой в многогранное, под час не однозначное, и часто противоречивое историческое небо.

Я нисколько не осуждаю горожан, а понимаю и принимаю их позицию, хотя мне это и несколько обидно в силу моей профессии, о которой я расскажу вам позднее. Хотя если бы все было, и нет так, а предположим наоборот, то и моя профессия была бы никому не нужна, смею вас уверить.

Как обидно порой, что зрячие и веселые люди со стороны производят впечатление слепых и угрюмых жителей своих прекрасных неизведанных, нехоженых городов.

Но все можно простить, когда понимаешь, что суэта владеет их сердцами, и времени всегда в обрез, поэтому они и торопятся сделать что-то важное и как всегда пропускают, самые величественные и существенные моменты своей жизни, то есть те отправные точки, из которых когда вышли мы – все, словно на прогулку, на экскурсию, в целую человеческую жизнь.

Но оставим в стороне все столицы туристических паломничеств и средоточения мировых шедевров и постучимся сначала негромко во врата, а затем и войдем в города, которые на слуху лишь у немногих профессионалов своего не простого дела.

Таким и является и мой, затерянный среди сотен других городов, затемненный славой больших, богатых, и разрекламированных полисов. В этот большой список городов второго, а может и третьего эшелона градов входит и мой городишко, который находится в географическом центре Германии и называется Э.....

Многие не знакомые с фонетикой немецкого языка попытаются его переименовать почему-то в Е....., и сделают самую значительную, я бы сказал самую страшную ошибку в своей жизни, потому тем самым могут неминуемо нажать себе множество заклятых врагов, которых к слову будет никак не меньше двухсот тысяч. Поэтому прошу вас правильно именовать мой город, ведь одна буква не правильно произнесенная или проглоченная

наспех, может меня сильно огорчить и вызвать подозрение, что ничего вы о моем городе прежде не знали, и приехали сюда: или по ошибке или по недоразумению. Вскоре вы уже жалеете, о своем кратковременном пребывании в средней руке городке и, не сумев скрыть своего томящегося выражения лица, скучаете и даже зеваете. Вот тут-то я и подхожу к вам, как самый бесстрашный укротитель, который заглядывает в пасть дикого хищника и говорит: »Добро пожаловать в мой сказочный город, который после двух часов экскурсии по нему, надеюсь, станет ближе и вам». Я еще что-то проговорю по поводу не здоровых размеров ротовой полости средне статического туриста, который посчитал, что в моем городе он будет просто зевать от скуки, ведь скоро ему предстоит раскрыть свой рот навсегда, как только я проведу его, по своим заповедным местам. Но все это еще впереди, потому что я жду уже четвертый автобус с туристами, который, по-видимому, задерживается в пути. Я стою на туристическом причале в центре города, который я сам сегодня не узнаю, потому что в свой день рождения он просто великолепен. Как раз в этот день ему исполнилась чуть больше 1260 лет. Но он по-прежнему молод, величав, и доброжелателен для всех, кто приходит к нему с миром.

Экскурсоводом я работаю вот уже четвертый год, но это длинное слово я не люблю, а просто именуюсь гидом, по-моему, так проще и легче, как для меня, так и для тех, кому я подчас нужен. Мне нравятся, те, томительные минуты ожидания перед новой встречей с незнакомыми людьми, но я по-прежнему немного робею, ведь на меня возложена огромная честь, не уронить его неувядающую славу за быстрой скороговоркой цифр и дат, фамилий и адресов, улиц и площадей. Потому что это – только голая статистика, перемешанная с математической точностью, не больше и не меньше. Мне же предстоит поведать гостям о своем непреходящем чувстве к своему любимому городу, а это, согласитесь всегда не просто прилюдно выражать свои подлинные эмоции.

Я хожу назад и вперед, нервно посматривая на часы, на которых уже было около шести часов вечера, но по-прежнему все еще светло и жарко в осенний сентябрьский день в первой его декаде. Сегодня я одет не как обычно, в простую гражданскую униформу: то есть в джинсы с рубашкой и пиджаком в правой руке или заброшенного за спину, или в строгий деловой костюм, когда в город пребывает официальная делегация. Лишь несколько раз в году я позволяю себе облачиться в средневековый костюм, который состоит из нескольких дополнительных вещей и предметов, который дополняют внешний облик нашего современника. Конечно же, это большая черного цвета треугольная шляпа, больше похожая на колпак, потому что любой головной убор на моей голове неизменно принимает образ этого предмета с бумбоном на голове.

К шляпе прилагается еще длинный, мышинового цвета плащ до пят, который будет скрывать мои голубые джинсы и темные туфли. К историческому облику города как нечто подходит еще моя средневековая алебарда – это нечто среднее между копьем и топором, которую я буду держать высоко вверх, как еще одну туристическую вешку, на которую должны обращать внимания гости города, чтобы не потеряться в безбрежном человеческом море. Заблудиться в нашем городе туристу просто невозможно, потому что, чтобы заплутать здесь, его надо хоть немного, но знать. Но еще в самом начале своей экскурсии, я громко назову место нашей встречи и прощания, и укажу, что автобус уйдет в обратном направлении не позднее двадцати часов вечера, поэтому не стоит сильно надеяться на здоровые нервы терпимого ко всем человеческим грехам водителя – кроме страшного порока отсутствия пунктуальности. Но если с вами и произойдет что-то экстраординарное, и вы отобьетесь от своей экскурсионной группы, то смело обращайтесь к прохожему, может на ваше счастье вам и попадется в руки словоохотливый местный житель, который проведет вас самой длинной дорогой на соборную площадь, чтобы еще раз показать свой город. Но в сегодняшней толпе его редко можно будет, увидеть, потому что он, как раз и сидит в настоящее время дома, ревностно переживая за свои исторические достопримечательности, которыми я щедро делюсь направо и налево.

Но больше храбрости мой заплутавший друг, и я уверен, что после двухчасовых поисков

твоя дорога приведет тебя снова на соборную площадь, где печальный водитель при виде опоздавшего туриста, осатанеет от счастья, и вскоре начнет тебя душить в своих сильных и нежных руках. Он усадит тебя рядом с собой, и весь обратный путь будет смотреть лишь в твои глаза, чем на проезжую часть дороги, а тебе останется лишь вскрикивать и прятать лицо в нервных руках, когда очередной грузовик будет нестись навстречу с бешеной скоростью. Но все это ждет еще тебя впереди, и я еще не зажигаю свой старый светильник, который загорится только в сумерки, на который как бабочки на свет будут собираться мои туристы и зазевавшиеся прохожие.

Я перекидываюсь парой слов с коллегами по цеху, которые то же с нетерпением ожидают своей трудовой участи, но она все никак не наступит, поэтому они несколько растеряны и в недоумении лишь пожимают плечами.

Вдруг я отчетливо начинаю понимать, что за сегодняшний день я не съел еще ни крошки хлеба и желудок, который безропотно молчал во мне, все это время, заявил мне во весь свой бездыханный голос, что он хочет, есть, и если его требования не будут выполнены, то он за себя просто не ручается и грозит испортить сегодняшний праздник всем вместе или каждому по отдельности.

Я не успел уточнить для себя такие важные детали, как можно испортить день празднования города в отдельности каждому горожанину и туристу, поэтому не пошел, а вприпрыжку побежал в кафе, которое находилось от меня в ста метрах, где я мог запросто перекусить на воздухе, при этом все время держать в поле своего зрения туристическую пристань. Присев за один из свободных столиков я сразу же огорошил официанта своим персональным меню: «Мне что-то вкусное, быстрое и недорогое».

Тут же официант с почтительным подозрением отнесся к моему заказу, потому что его две широкие и густые брови поднялись надо мной, как две турецкие сабли. Но снова они вошли в ножны, и гарсон с улыбкой продвинул ко мне многостраничное меню.

-У меня мало времени – запричитал я. - Мне бы перекусить на скорую руку.

Я снял с головы шляпу, небрежно швырнул ее на стол, положил светильник себе под ноги, а алебарду прислонил к стулу.

-Сколько у вас времени в запасе? – спросил меня темноволосый и темпераментный мужчина.

-Его практически нет – сознался я. Или почти нет.

-Так его нет или практически нет? – пытался, как можно больше узнать о моем свободном времени дотошный официант.

-Или – ответил я, взглянув на пустынную стоянку автобусов, вокруг которой сновали одни экскурсоводы.

-Тогда гусиное рагу – с улыбкой сказал официант, и я от такого предложения даже опешил.

-А почему бы вам, в таком случае, сразу же не зажарить мне целого быка? Эффект будет тот же самый!

-Быка, к сожалению, к нам сегодня не завезли, а вот гуси еще утром щипали зеленую травку на лужайке.

-Послушайте милейший – начал я издали. Я бы с удовольствием съел ваше гусиное рагу, но времени у меня действительно в обрез.

-Тогда может быть острый венгерский гуляш! Пол часа и все будет готово. Такая вкуснотища. Вы не только оближите свои пальчики, но и обглодаете их до самых костей.

-Что прямо с мужским маникюром! – ответил я шуткой на шутку официанта. Я съел бы сейчас и гуляш, и гусиное рагу и быка весом никак не меньше пятисот килограммов, в один присест, если бы не одно но – готов был я хоть до завтрашнего утра перечислять все те блюда, которые я был в состоянии на ту минуту съесть. - С минуту на минуту должен прийти

мой автобус.

-Вы что уже уезжаете? – спросил меня служитель общепита.

-Нет – злобно сказал я. Я уже давно приехал, и уезжать из этого города никуда не собираюсь.

-Как я понимаю вас – вдруг разоткровенничался со мной официант. Кто попадает в наш город первый раз, часто остается здесь навсегда – начал хвалить за меня, мой же любимый город, передо мной, молодой оседлый мужчина.

-Но... - я успел сказать только это, как меня в очередной раз прервали от возможности вкусно, быстро и недорого поесть.

-Наш город... он находится словно в искусственной чаше, и со всех сторон его обступают зеленые холмы, поэтому ветра здесь редкие гости, и непогода часто проносится стороной, чем заглядывает к нам. Зима не холодная, весна не капризная, лето не жаркое, осень не дождливая...

-Ну, прямо рай на земле – позволил я себе немного восхищения в голосе. Но послушайте...

-Исторический облик города сложился на рубеже веков. Здесь вы увидите смещение архитектурных ансамблей позднего времени, а также готического периода, ренессанса, барокко и...

-Официант – помахал я правой рукой перед декламирующим гидом, чей взгляд был устремлен в голубое вечернее небо.

-Наш город не зря называют городом церквей и монастырей. В нем насчитывается их около сорока.

-Около тридцати – легко я поправил своего визави. Не надо преувеличивать значения вашего города.

-Какая разница около тридцати... или сорока церквей и монастырей вы найдете в черте города, ведь собор, который вы видите за моей спиной – он единственный в своем роде и не повторим. На протяжении многих веков, а то и тысячелетий...

-Я есть хочу – прервал я в самом начале знакомый мне исторический и монотонный диалог.

-Наш город... - не унимался официант.

-Так ни слова больше о вашем городе, потому что я сейчас в таком состоянии, что могу запросто его разрушить до основания.

-До основания? – скептически посмотрел на меня молодой мужчина, не веря до конца, что я могу в одиночку осилить такой грандиозный объем разрушительных работ.

-Именно, что до основания – уточнил я. Камня на камне не оставлю от вашего города, а ваше кафе пострадает в первую очередь.

-Так что вы все-таки хотите? – все-таки решился официант обсудить со мной вопрос о контрибуции и репарации, чтобы город и дальше вел свое счастливое существование.

-Странный вопрос вы мне задаете! – изумился я. Но я постараюсь вам на него ответить, как бы тяжело мне бы не было. Если люди приходят в кафе значит, они хотят... что...?

-Разрушить его до основания! – улыбнулся мне официант, который обрадовался, что так легко смог ответить на свой же вопрос.

-Разрушить его... – они, конечно же, разрушат – скрежетал я зубами – но потом... не много позднее. Сначала они должны основательно перекусить – застучал я зубами.

- Конечно же, чем-то вкусным, быстрым и недорогим – наконец-то сытый человек стал понимать голодного, который уже и не чаял быть услышанным.

-Совершенно верно – уже я не мог скрыть своих чувств перед сообразительным

официантом.

-В нашем городе вы везде найдете местечко, где можно полакомиться резво и за полцены. Тут мой любезный друг начал перечислять и даже показывать мне направление поисков бесчисленного количества ресторанчиков, кафешек, и бистро.

-Меня не интересует служба общественного питания в вашем городе, в общем и целом – отчитывал я официанта. – Мня, хочется узнать о ней, в отдельности, а чтобы быть еще конкретнее, как именно ваше кафе справляется непростой задачей: вкусно, быстро, а главное недорого насыщать своих привередливых клиентов? – взялся я уже одной рукой за алебарду.

-Ну, наше кафе... - с гордостью сказал официант. Оно имеет давние исторические традиции. Оно существует с 1789 года и как семейное достояние передается из поколения в поколение.

-Вы имеете какое-то отношение к семье владельцев? – для чего-то спросил я.

-Нет, к сожалению – тяжело вздохнул подавальщик.

-Ну, это скорее к счастью,... а то, мне бы не хотелось прерывать такую продолжительную семейную традицию.

- В нашей книге для почетных и знаменитых гостей, есть такие ли, знаете имена, которым лишь посчастливилось изведать нашу кухню.

-Автографы написаны, кровью надеюсь, а пером им служили человеческие останки – как аксиому предположил я самое невероятное.

-Простите, я вас не понял. До настоящего времени в нашем городе еще не было ни одного случая каннибализма.

-Не было?... - переспросил я. Так обязательно будут. Лично для себя жертву я уже наметил. Это, конечно же, не бык, но уже и не гусь.... Так что я доволен.

-Тогда я сейчас ее принесу – сказал официант и попытался уже исчезнуть.

-Что? – в недоумении спросил я.

-Книгу для почетных и дорогих гостей!

-По-моему вы меня с кем-то спутали. Меня не интересует ни эта книга, ни книга жалоб и предложений, ни меню...

-А что вас интересует? - снова своим вопросом официант привел меня к параличу языка, но не рук, которые не знали, что делать с алебардой, то ли метать ее как копьё или орудовать этим холодным оружием как топором.

-Наверное, я так проголодался, что вы меня просто не слышите, а только видите, поэтому предлагаю нам объясняться жестами вместо слов, может, так до вас дойдет моя душе раздирающее сообщение.

Тут я выпустил из своих рук алебарду, и через пантомиму всех частей тела попытался показать, как приходит ко мне костлявая смерть с пышными черными бровями, как она виртуозно кладет мне свои волосатые руки на шею, и начинает умолять, уговаривать съесть гусиное рагу недельной давности. Но я неумолим к такой насильственной форме оказания дорогих услуг и требую, чтобы меня в конце концов накормили быстро, вкусно и недорого.

После шквала аплодисментов со стороны рядом сидящей публики, кажется всем было понятно о моих насущных потребностях, но только не официанту, посчитавшего, что я в такой оригинальной манере хотел исполнить борьбу с мифическими паразитами, которые были уничтожены еще в прошлом тысячелетии при помощи диклофоса и клейкой лентой. Сражение под названием – «Борьба с мухами» было мной выиграно, а вот война за быструю и недорогую еду, по-видимому, проиграна.

Мне ничего не оставалось сделать, как предложить чистосердечную капитуляцию с моей стороны и рассказать о себе все, что я знал, и чего не знал, но придумывал уже на ходу.

-Понимаете, я гид – жалобно сказал я.

-Ну, так что, если вы гид. От нашего гуся еще никто не отказывался. Да такое рагу один раз в жизни можно съесть и... - на мгновение запнулся официант и вскоре добавил - и все.

-Верю – согласился я и не стал больше оспаривать меню, которое в медицинских кругах именовалось, как свидетельство о смерти. Если бы у меня было больше свободного времени, то я бы попробовал ваше рагу, и съел бы его, черт бы вас побрал, но с минуты на минуту должны приехать мои туристы...

-Туристы – это хорошо. Мы туристам всегда рады – снова показались белоснежные зубы на пружинистом лице официанта. Но это никак не значит, что вам надо отказываться от гусяного рагу.

-Но не могу же я принимать гостей с полным ртом – взмолился я. Ведь это же не эстетично.

-Почему? – снова человеческий вопрос застал меня врасплох, и я решил: была, не была ему полностью открыться.

-Но ведь я же экскурсовод! Как вы не понимаете! Никто и слова не поймет, из всего мной сказанного.

-Вы же в самом начале сказали, что вы гид – решил уличить меня во лжи официант.

-Ну, и что? – теперь уже я глупо спрашивал умного и прозорливого мужчину.

-Это я вас спрашиваю, ну, и что?

Какое-то неопределенное время должно было пройти, прежде чем снова я решился повести дальше нашу познавательную и непринужденную беседу:

-На сколько я знаю: гид и экскурсовод – это одно лицо. Или я ошибаюсь?

-Правда? – воскликнул гарсон.

-Что вас так удивляет? Это слова синонимы.

-Скажите, пожалуйста – снова улыбнулся мне мужчина в белом переднике. - Никогда бы не подумал. Слово гид вам подходит больше, чем экскурсовод.

-Это почему же? – оскорбился я.

-Вы очень импульсивны для экскурсовода и очень таинственны для гида.

-Какой я? – словно веером раскрылись все мои морщины на лице. Какой... какой?

-Вы очень импульсивны для экскурсовода и очень таинственны для гида – подсматривая в меню, торжественно зачитал мне официант еще одно свое любимое блюдо.

-Прекратите со мной разговаривать так..., как будто меня двое... - пошарил я вокруг себя глазами, чтобы быть на сто процентов уверенным, что я еще существую в единственном числе.

-Так вы будите теперь делать заказ на двоих... или забронируете целый столик! – пришел, как всегда мне на выручку неунываемый подавальщик.

-Ой - что-то вдруг так заныло у меня в груди, что я не сумел сдержать свое болевое восклицание.

-Вам плохо?

-Вы сейчас у кого спрашиваете у гида или у экскурсовода? - решил уже я задать свой непростой вопрос.

-У вас я спрашиваю, я же с вами сейчас разговариваю. У вас... больше за вашим столиком никого нет.

-Так это вы со мной разговариваете, а я то думаю, что за потусторонние голоса я слышу, и

поэтому никак не могу понять источник свой возбудимости. Я чувствую себя превосходно. Лучше и быть не может.

-Вам станет еще лучше, уверяю вас, когда вы только закажите гусиное рагу. Ну, сколько можно, в конце концов, артачиться. Хватит, потрепали друг другу нервы, пора и деньги за исполненный заказ оплатить.

-То есть, как это оплатить! – воскликнул я. А за что? И что это за исполненный заказ! Ведь чувства сытости во мне так и не наступило.

-Не волнуйтесь, это чувство к вам придет... никуда вам от него уже не деться. Но вы лучше предварительно оплатите свой заказ, потому что позднее вам это будет значительно сложнее сделать.

-Я что не доживу до конца трапезы? – впервые дрогнул мой голос.

-Бывали чудеса, но не так часто... как вы себе это представляете!

-О – воздел я руки к смуглому официанту в белом, который сейчас снова стал для меня черным ангелом. - Я понимаю, что и всей моей фантазии может не хватить, чтобы сосчитать количество бездыханных человеческих тел, которые ежедневно усеивают ваше кафе, и еще большое количество трупов, которые корчатся в агонии дома и умирают... умирают... умирают от гусиного рагу.

- Почему вы трижды употребили слово « умирают », когда наши клиенты это делают всего лишь раз – нашел простую арифметическую ошибку в моих подсчетах подавальщик.

-Нет – это мне начинает все больше и больше нравиться – замурлыкал я себе под нос. Значит, умирать позволено один раз, а мучиться сколько угодно,... так что ли?

-Не совсем так. Ведь мы солидное семейное предприятие с вековыми традициями и со своей рецептурой блюд, то, не хотели бы, чтобы против нас сложилось неправильное общественное мнение. Поэтому мы просим наших клиентов умирать лишь однажды, желательно не в стенах нашего заведения, при существенном сокращении мучений – это с одной стороны, а вот с другой, можно оплачивать заказ бесчисленное количество раз, при этом, не забывая, что сумма чаевых всегда превышает заказ на гусиное рагу.

-Как же группы могут оплачивать свой заказ бесчисленное количество раз? – в недоумении спросил я, и тут же к своему изумлению получил на него честный и квалифицированный ответ.

-У нас всегда были достойные и щедрые клиенты, которые по достоинству ценили нашу кухню, и особенно обсуживающий персонал.

-Значит, роль убийц в вашем семейном предприятии взяли на себя повара, а вы – официанты, всего на всего могильщики. Прелестно, прелестно - попытался я пристыдить официанта своим колючим взглядом, но, не выдержав психологического противостояния, сам опустил свой взор вниз, под ноги, где увидел свой светильник с одной незажженной свечой.

Ах, если бы это была керосиновая лампа, то возможно и сгорело бы это семейное предприятие от моей руки, но видно было, не судьба и кто-то другой должен был платить своими жизнями за любимое блюдо официанта.

Раздосадованный официант по-прежнему стоял возле меня, то, вписывая, то, зачеркивая в своей записной книжке мой персональный заказ. Это продолжалось бы еще целую вечность, но на помощь к гарсону подошла вторая неизвестная мне сила, и я почувствовал себя в меньшинстве со всеми вытекающими для меня неблагоприятными последствиями. Но после того как она узнала, где я работаю, она так обрадовалась, что я даже растерялся.

-Так вы действительно гид? – спросил меня со знакомой улыбкой на лице уже пожилой мужчина.

-Ну, гид - спокойно говорил я. Что тут не обычного?! Провожу экскурсии по городу.

-Очень хорошо! Я хотел бы вам предложить взаимовыгодное сотрудничество.

-Вам что нужна одна экскурсия по городу? – предположил я.

-Мне нужна не одна, а все ваши экскурсии.

-Не многовато ли будет для вас одного?

-Боюсь, что даже такое количество не смогут утолить наш зверский аппетит, поэтому мы готовы заинтересовать к нашему сотрудничеству, как можно больше профессионалов.

-А теперь мне все ясно! - наконец-то я понял, на что намекает мне администратор этого гостеприимного кафе.

-Приятно все-таки иметь дело с умным человеком – с воодушевлением сказал он. В наше время это такая редкость

-За комплимент вам отдельное спасибо, и если можно я полностью его переадресую вашему официанту, а вот на счет дела ничем вам помочь не могу.

-Но ведь для вас это ничего не будет стоить! – стал уверять меня в пустячной просьбе седой старец.

-Для меня, конечно же, нет, а вот для туристов, пожалуй, что да.

-Какая разница, где турист потратит свои кровные деньги в моем кафе или напротив. И для вас это будет солидная прибавка к заработку.

-Ну, для вас разница как раз и есть, но не для меня. Я не буду делать никаких непредвиденных остановок для своей группы вблизи вашего кафе. Вы ведь об этом хотели меня попросить?

-Неужели, чтобы выпить стакан воды вы будите водить несчастного туриста по всему городу – начал призывать меня любви к ближнему своему добрый администратор. Это немилосердно.

-Вы не поняли, я сказал, что ничего специального в вашу сторону делать не буду. Но и предпринимать против вас тоже ничего не собираюсь. Кто хочет выпить стакан воды – пусть пьет, а кто не хочет, есть гусиное рагу – не будет, его есть – пока я живой.

-А вы, почему ничего не едите? – умоляюще спросил еще один поборник здоровой и вкусной пищи.

-Я знаете ли, я передумал. Вот с голоду умираю, а есть ваше рагу, отказываюсь.

-Далось вам это рагу. Не хотите его есть, не надо. Может гуляш – отправив официанта восвояси, уже администратор стал предлагать мне на выбор лакомые блюда.

-Я с недавних пор стал вегетарианцем. Растительная пища заставляет меня держаться в форме.

-Я думаю, что пять процентов от общего заказа туристов вас должны устроить, плюс к этому вы обедаете у нас бесплатно. А пока, чтобы вы желали?

От такого дешевого гастрономического предложения у меня в голове что-то сначала возликовало, но зрительный нерв незамедлительно отреагировал на то, как целая вереница автобусов подъехала к туристическому причалу и я, быстро поднимаясь со стула, сказал: « Спасибо вам за ваши хлопоты, но я вынужден вас оставить : «Привет гусиному рагу!».

-Может вы еще передумаете?

Я ничего больше не ответил пожилому мужчине, а лишь нахлобучил шляпу на голову, ловко водрузил светильник на самый пик алебарды и мчался к последнему четвертому

автобусу. Сейчас главным было, не дать разбрестись своим туристам по городу без моего вступительного слова и необходимых инструкций. Я влетел в автобус, когда уже некоторые из пассажиров хотели его покинуть, и встал как затычка в винной бочке.

Я попросил снова всех сесть на свои места, чтобы иметь возможность поприветствовать дорогих и желанных гостей нашего славного города Э....

- Добро пожаловать в лучший город на земле, который ждет вас уже больше 1260 лет – сказал я.

- Неужели двенадцать веков меня ожидает ваш город? – сразу поставил под сомнение мои слова пожилой, но молодежавый мужчина.

- Не только вас, но и вашу жену – весело произнес я, чуть раньше обратив внимание, что рука мужчины была намертво запечатана в маленькой белой ручке женщины. Эту супружескую хватку нельзя было ни с чем другим спутать на земле, поэтому я и предположил, что передо мной сидела во всей красе и улыбалась мне жена, а при ней пытался шутить ее ручной муж.

- Но прежде чем вы вступите ногой на мостовую этого города, я хотел бы спросить вас, ... все ли купили новую обувь?

Мой неожиданный вопрос посеял сначала в салоне автобуса тишину, которая вскоре встала всходить недовольными голосами и не совсем адекватными репликами.

- Что еще за причуды? С каких пор мы должны иметь при себе новую обувь – резво встал на свою защиту молодой человек, по-видимому - студент

- Я сказал не иметь при себе, а уже быть обутом в новую обувь – гостеприимно я снова проговаривал свою фразу. Ведь по новому декрету нашего уважаемого мэра, ступить в город можно лишь в новой обуви.

- А если мы ничего не знали – говорили одним голосом две напуганные моими словами девушки.

- Мне очень жаль – развел я руками. Но вам придется остаться в автобусе до конца экскурсии. Закон – есть закон.

Мой радостный автобус, который почувствовал первое облегчение, что после трехчасовой поездки, наконец-то можно будет размяться, и с удовольствием прогуляться по городу Э.... вдруг застыл как парализованный и даже водитель, которого я видел впервые, с подозрением посмотрел себе на ноги.

- Вот у вас туфли то же не новые – обратился ко мне студент, а по городу вы ходить можете в отличие от нас.

- Надо же - впервые обратил я внимание на свои туфли с момента их покупки, - как они износились у меня. Но это к закону все равно не имеет никакого отношения, потому что я не турист, как вы, а гражданин свободного города Э.... улавливаете разницу. На этом я хотел откланяться и поблагодарить вас, что вы смогли найти время и посетить наш город. Я уже развернулся в обратную сторону и опустил на две ступеньки автобусной площадки вниз, как одна безрассудная мысль пришла мне в голову, и я решил с ней поделиться с пассажирами автобуса.

- Но, послушайте, вы проделали такой тяжелый и утомительный путь к нам, поэтому мне не хочется, чтобы вы возвращались домой с поникшими головами. Коль закон мэра распространяется на туристов, тогда мне надо сделать из вас... – широко вытаращив глаза, во всеуслышание произнес я.

- И кого же вам из нас надо сделать? – спросила меня одна молодая мама, которая обнимала свою дочь дошкольного возраста.

-Мне надо сделать из вас ... - сделал я снова театральную паузу.

-Ну, не томите – накинулась на меня блондинка в черных очках. У меня очень мало времени.

-Мне надо сделать из вас... горожан вольного города Э..... Счастливых его жителей.

А это поверьте мне, сделать будет далеко не просто.

-И как вы это собираетесь сделать? – иронизировал надо мной хорошо сохранившийся мужчина в руках женщины.

-Пока просто ума не приложу – честно признался я. Вы ведь так не похоже на нас. Ну, прямо как небо и земля.

-Сколько раз был уже на экскурсиях, впервые слышу и вижу, как издеваются над туристами – уже в открытую излагал мне свой вотум недоверия парень, студенческого возраста.

-Да, скорее у меня с вами ничего не получится. Я хотел показать вам свой город, а теперь вижу, что все мои старания пойдут прахом.

-Но может все у вас получится! – запели живыми голосами две девушки, которые сидели через два сидения от меня с правой стороны.

-У меня определенно получится – заверил я всех в своей всеобъемлющей силе. Все дело заключается в том, получится ли это у вас.

-Но что получится? – снова фыркнула в мою сторону женщина в темных очках.

-Улыбнуться – спокойно сказал я. Если у вас нет новой обуви - не беда, потому что только при наличии улыбки можно спуститься из автобуса на священную мостовую города Э....

-И это все? – с подозрением спросил меня водитель.

-Все – честно признался я.

Тут мрачный автобус, буквально в мгновение ока засветился солнечными зайчиками, которые начали прыгать по сторонам, но больше в мою сторону, и я как дед Мазай приступил их собирать для общего счета. Тридцать шесть человек готовы были, стать жителями моего города, понимая какую честь я оказываю им, и лишь одно лицо, как мне показалось, воздержалось, и это была женщина в темных очках, которая больше не смотрела в мою сторону, а разглядывала что-то в окне.

-Ну, как, теперь все в порядке? – спросил меня снова повеселевший мужчина, прикованный наручниками к своей жене.

-Вполне – одобрил я добрые человеческие эмоции, которые выливались уже через край, и готовы уже были хлынуть из автобуса на простор. Улыбаетесь вы как жители нашего города или почти как они. Кстати хорошо, что вы не одели новой пары туфель, потому что нам придется сегодня изрядно пробежаться. Мне бы не хотелось, чтобы с самых первых шагов вы натерли себе мозоли.

-Ах, так это была шутка – заворковали все те же девицы.

-Кто сказал шутка? – грозно отреагировал я на человеческое заблуждение. Я пошел на должностное преступление ради вас и даже не знаю, что меня ожидает после этого. Но ради вас я готов его совершить и дважды, потому что веселые и счастливые жители города Э..., хотят видеть ваши прекрасные и улыбающиеся лица. Эта лучшая награда, которую они хотели бы получить от вас, хотя бы в виде аванса, пока не увидите во всей красе наш любимый город. Теперь я попрошу вас запомнить меня в лицо, воспроизвести по памяти мое имя, которое сейчас вам назову и вызубрить, что наше экскурсия как начинается, так и заканчивается на соборной площади. Время нашей экскурсии ровно два часа. То есть с пол седьмого до половины девятого вечера. Я не помню случая, чтобы водитель экскурсионного

автобуса ждал бы больше 15 минут, поэтому прошу не испытывать его человека ненавистнические чувства. И так еще раз улыбнулись, узнали имя своего соседа и его физические параметры, чтобы все обратную дорогу не скучать без него. Лишь после этого я начну нашу экскурсию.

Я великодушно подарил еще несколько минут своей жизни незнакомым людям, которые так и не удосужились узнать друг друга по имени. Теперь от человеческих взглядов стало не только светло, но и тепло, и меня это порадовало, потому что в автобусе работал кондиционер, и здесь не чувствовалось уличной духоты.

Вскоре все пассажиры покинули свой дом на колесах и стали настоящими горожанами славного и свободного, некогда богатого, но оскудевшего города на золотые талеры, дублоны, марки, экю и луидоры. Но излишняя состоятельность не всегда благополучно влияла на историческую судьбу каменного акрополя, поэтому я вскользь коснулся негоциантского прошлого города, который когда-то должен был укрываться за крепостными стенами от набегов завистливых соседей, и воинствующих варваров.

На скоро миновав соборную площадь, которая являлась хрестоматийной дарственной открыткой для каждого кто приезжал к нам, я хотел это незабываемое заключительное впечатление о нашем городе оставить на закуску. Но туристы с недоумением смотрели на меня, не понимая, зачем что-то искать, когда такая красота стоит прямо перед глазами. Но я словно за руку тянул за собой незнакомых мне людей, и они больше не пытались мне сопротивляться. Шаг за шагом, проходя по старому городу, я просил не торопиться свою пеструю и шумную публику, а всеми пятью человеческими чувствами вбирать в себя воздух прошлого, который, как добрый дух по-прежнему витает над черепичными крышами и остроносными шпилями города.

Поначалу мы шли по широким городским улицам, ширина которых позволяла еще в старину свободно разъезжаться двум каретам запряженными парой лошадей, где на козлах сидели усатые и злые кучера, беспощадно хлеща то, бедных животных, то зазевавшихся горожан. Здесь на пути следования нас сопровождали многочисленные магазины, рестораны, сувенирные лавки, художественные галереи, пивные и все другие обычные атрибуты жизни настоящей, которая с любовью и трепетом заботится о своем великом прошлом.

Затем мы неожиданно попадали на незначительные, затерянные площади, которые больше походили на музеи под открытым небом, где со всех сторон на тебя глазело деревянное зодчество фахверковых домов с черепичными крышами, с крошечными окнами и расписными ставнями. Одинокие каменные статуи устало стояли на постаментах, бесстрастно рассматривая своих посетителей, то, снимая свой великолепный наряд, то, напяливая его на себя до самых глаз. Но неизменное впечатление, которое поначалу обескураживало туристов и даже приводило в трепет, когда, свернув с одной улицы, я проводил их затхлые каменные мешки кварталов и тупиков, из которых казалось, не было выхода. Тут я неожиданно исчезал, и мои туристы, оказавшись без проводника, как-то сразу терялись, в ужасе понимая, что в этом каменном склепе им предстояло провести целую жизнь. Наблюдая за этим со стороны, я позволял себе лишь на непродолжительное время несколько увеличить свою ценность в глазах своих спутников, но неизменно спешил им на помощь, когда уже кто-то словно заблудившись в темном лесу, неистово взывал о помощи и кричал: «Ау, ау...».

Я еще долго водил туристов в недра городских лабиринтов, неизменно разматывая невидимую нить Ариадны за собой, чтобы уже через несколько минут поймать этот краешек тонкорунной материи, чтобы начать свой обратный путь.

Сегодня все было как всегда – обычная в принципе экскурсия только туристов в городе было необыкновенно много, и для этого в вечерних сумерках я зажег свой светильник, который водрузил на пик алебарды. Типичные люди стояли передо мной, в равную меру пытливые

и безразличные, веселые и скучающие, разумные и дурашливые. Если бы не одно но... Неизменно заканчивая свое отдельное повествование, которое касалось конкретной части городского ландшафта, женский голос, по-прежнему облаченный в солнечные очки, настоятельно спрашивал меня, о технических характеристиках то или иного объекта, и в некоторых случаях он ставил меня даже в тупик. Ну, например, какова высота монастыря от верхней его точки до булыжной мостовой? Какая глубина реки в том или ином месте? Где находится городское кладбище и почему экскурсовод не ведет нас туда?

Эти вопросы поначалу позабавили меня и не только меня, но и всех остальных, лишь женщина оставалась, не довольна моими ответами, в которых я в шуточной форме пытался отбрехаться или заявить, что экскурсия городского кладбища не входит в мои планы еще так лет пятьдесят.

Мне оставалось открыть еще несколько тайн своего родного города, и я поспешил, ничего не скрывая полностью поделиться всеми своими знаниями о моем городе.

- А сейчас я покажу вам, то, чего вы никогда больше не увидите, так это сокровище, это чудо существует в единственном экземпляре, по крайней мере, в Европе. Но может в Лондоне, Париже и во Флоренции вам посчастливится увидеть что-либо похожее, но, уверяю вас, все это будет не то, потому что есть несколько различий, которые делают этот рукотворный объект уникальным в своем роде.

Я стоял на возвышенности, слегка нависая на своих заинтересованных слушателей, стоящих передо мной, которые снова начали проявлять ко мне живой интерес, уже несколько приглушенный за полтора часовую экскурсию.

- Сейчас мы пройдем по мосту - с пафосом сказал я, и тут же был осмеян чуть ли не всей своей группой.

- По мосту... надо же - не скрывая своих эмоций, в издевательском тоне говорил студент. Никогда не ходил еще по мосту. Здесь надо желание загадать, тогда он непременно сбудется. Ведь так?

- Попробуйте - от всего сердца поддержал я молодого сатирика.

- Так что мост и есть, то неизменное, что существует в единственном экземпляре? - с усмешкой спросил меня все-тот же хорошо сохранивший мужчина, которого под ручку конвоировала собственная жена на всем пути следования нашей экскурсии.

- Да, представьте себе, что это именно так - с восторгом сказал я. Ведь это необыкновенный мост и не только потому, что он чудом уцелел до наших времен и до сих пор исполняет все обязанности, которые возложены на все мосты на земле, но это и еще не все. Сейчас мы ступим на жилой мост, на котором с двух сторон соседствуют друг с другом дома, и в них по-прежнему живут люди.

- Это не может быть! - поставил под сомнение мои слова молодой человек.

- Вот тут я согласен с вами, что этого не может быть, но это к счастью существует, и вам сейчас придется пережить это одно из самых незабываемых впечатлений.

Я высоко на лоб поднял свою шляпу, отчего один из его углов высоко уперся в вечернее небо, а два других опустились глубоко вниз, прямо на уши. Взяв алебарду в правую руку, которая уже долгое время служила мне дорожным посохом, а в левую руку, горящий жемчужным светом старый фонарь. На мою тяжелую шаркающую походку ответила созвучным строем поступь уставших туристов, и в этой гармонии человеческих движений трость алебарды в моей правой руке играла свою не громкую, но главенствующую роль.

Я медленно остановился на середине моста, давая возможность отставшим туристам собраться вокруг меня, чтобы я начал рассказывать его славную историю.

- Этот мост впервые упомянут в 1117 году, но существуют археологические ссылки, что еще

в восьмом столетии нашей эры он стоял на этом самом месте. Поначалу он был деревянным, но уже в тринадцатом веке он стал каменным. Неизменной особенностью этого моста является то, что как на входе в него, так и на выходе из него вас встречают две маленькие церквушки, одна из которых даже со сторожевой башней. Но, к сожалению, на сегодняшний момент сохранилась лишь одна церковь, к которой мы сейчас и пройдем, предварительно склонив наши головы под рыцарской аркой. Практически никаких архитектурных изменений за свою многолетнюю историю этот мост не претерпел, и вы видите его таким же, как он выглядел пятьсот лет назад. Длина моста составляет 125 метров при ширине 18 метров. В настоящее время 32 дома находятся на мосту, которые словно как птицы парят в воздухе.

Медленным шагом я повел туристов уже к концу моста, где нас уже поджила небольшая церковь с высокой башней.

До конца экскурсии оставалось еще около 15 минут, и уже можно было возвращаться назад на соборную площадь, как снова вопрос со стороны дамы в светопоглощающих очках, прозвучал вопрос: «Какова высота этой средневековой сторожевой башни?»

-К сожалению, я это не знаю – честно пришлось мне признаться. Знаю, что на башне существует просмотровая площадка, но не более того. Но можно визуально предположить, что высота башни равно примерно высоте семиэтажного дома, с некоторыми колебаниями в ту или иную сторону.

-Жаль, что вы оказывается, ничего толком и не знаете – услышал я первый отклик о своей проделанной работе со стороны дамы в очках.

-Впервые со мной такое случается – отчаянно защищался я. Но в следующий раз я готов буду, назвать вам не только высоту, глубину и другую нужную вам величину буквально до сантиметра, но и с точностью определить его расположение над уровнем моря.

-Следующего раза уже не будет – твердо заявила мне белокурая женщина.

-Мне кажется, что никогда не следует так говорить, потому что человек как прежде самоуверенно предполагает, а бог неизменно и великодушно располагает всеми нами.

Постояв еще немного на маленькой площади, на которую выходил мост, я дал насладиться туристам превосходным видом средневекового архитектурного ансамбля, когда камень и дерево настолько гармонировали друг с другом, что порой их было трудно различить. Но чтобы туристы смогли составить полное впечатление от этого чуда инженерной мысли – моста переброшенного через реку, я решил показать его в профиль. Для этого я медленно повел свою группу даже не вдоль пешеходной дорожки, а по проезжей части улицы, так как в праздничный день проезд по ней был воспрещен.

Уже знакомые мне лица заворожено смотрели на каменный мост, как на средневековый корабль, который еще не сошел со своих стапелей, но уже был готов к плаванию, ожидая лишь прилива и попутного ветра, чтобы расправить свои паруса и отправиться в кругосветное путешествие.

В этот момент я с каким-то тайным интересом наблюдал за женщиной в очках, которой давно следовало снять эту современную вуаль с лица, потому что хоть уличный вечерний свет и горел сегодня необычно щедро, но все же его было недостаточно для визуального освидетельствования всей этой рукотворной красоты. Я не мог видеть ее глаз, но губы, которые решили снова задать мне каверзный вопрос, уже свернулись в пастушью дудочку, и мне ничего не оставалось сделать, как опередить своего пытливого туриста.

-Если вы меня спросите, какая глубина реки в этой ее части, то, я могу с точностью заявить: что во время летнего солнцестояния, она не выше щиколотки ноги, а во время осенних дождей не выше колена.

Мой упреждающий ответ на так и не прозвучавший вопрос весело сказался на всех остальных гостей моего города, которые радостно засмеялись, и я заслужил мужскую похвалу, что и с юмором у меня все, оказывается в порядке. В чем еще у меня был порядок, для себя уточнить, я так и не успел, потому что мои туристы, как мы только ступили одной ногой на соборную площадь побежали не осматривать собор и средневековую крепость, а напрямик направились к автобусу, где и начали занимать свои прежние места. Я попытался, как мог вразумить их, что надо уделить хоть несколько минут и этим историческим подмосткам, но все мои аргументы остались не услышанными.

Путь домой ожидал моих, уже бывших спутников, и я понимал, что ничего лучшего для них я просто предложить не могу. Родные стены притягивали к себе и торопили побыстрее закончить свое пребывание в чужом городе. Как хорошо я их понимал, и уже нежно попрощался с каждым в отдельности за руку, пока не услышал голос сердитого шофера: «Одного пассажира нет. Ну, я так и знал. Не было еще ни одного случая, чтобы я вовремя выехал».

-Ну, не надо так расстраиваться – решил я поддержать средних лет водителя. Может кто-то отлучился на несколько минут по самым неотложным делам. Кстати – спросил я, - а кого нет?

Пока в автобусе царила обычная для такого случая обстановка, я стал методически исключать из своей памяти людей, которые стояли передо мной в проходе и пытались докричаться до отсутствующего лица. Общая сумятица неразберихи потребовала от меня некоторых волевых действий, и я попросил каждого занять свое личное место, чтобы понять, в конце концов, кто отсутствует. После жарких дебатов вместо одного отсутствующего уже не хватило еще двух, но они вскоре нашлись, на задних сидениях автобуса.

По-прежнему одно неизвестное лицо на неопределенное имя откладывало приятный путь домой.

-Каждый должен убедиться в наличии своего соседа – спокойно сказал я. Только для этого не требуется никого не щипать, достаточно лишь убедиться в его присутствии.

Но даже после того, как все заявили во всеулышание, что сосед обнаружен, не привело к желаемому результату. Мистер Икс или Миссис Игрек отсутствовали.

-Может, никого и не было – подумал я. Просто просчитались в самом начале, а теперь ищем не известно кого. Но тут же я начал глазами искать по салону автобуса белокурую туристку в темных очках.

– А где женщина, которая сидела в пятом ряду кресел с правой стороны? – спросил я всех сидящих передо мной. Кажется, что именно ее, мы безрезультатно ищем.

Вздых радостного облегчения пронесся по салону автобуса, потому что проще сожалеть о ком-то другом потерявшемся в праздничном городе, чем о себе - родном.

Меня опять поздравили, на этот раз с отличной визуальной памятью, но пора было что-то уже предпринять для поисков конкретного человека.

-С кем сидела эта женщина по дороге в город? – спросил я словно уснувшее пространство.

-По-моему одна – сказала женщина, которая впервые отпустила своего мужа из цепких рук, почувствовав отсутствие в салоне достойной соперницы.

-Точно одна – определенно заявил мне студент. Я попытался подсесть к ней и даже познакомиться, но она меня... отшила.

-Поэтому мы так долго не могли определить недостающее звено в нашей логической цепи – бурчал я. Похоже, что всю ответственность за себя – эта женщина целиком возложила на

свои хрупкие плечи.

-Но где ее теперь искать нам? – спросил водитель. Я просто ума не приложу!

-Искать ее в праздничном городе все равно, что искать иголку в стоге сена – произнес я со знанием своего дела. Мне кажется, ее необходимо ждать здесь! Как все дороги ведут в Рим, так и эта центральная площадь приведет ее непременно сюда, потому что больше некуда.

-А долго ее ждать? – допытывал меня водитель, как будто если я смог вычислить неизвестное мне лицо, то непременно должен знать и его тайные мысли.

-Понятия не имею. Бывали случаи, когда туристы терялись на день, на два, даже на неделю – серьезно сказал я.

-На неделю! – ужаснулся водитель. Это невозможно.

-Успокойтесь, я просто неудачно пошутил – с улыбкой я поведал о той получасовой задержки, в сравнении с тем океаном времени, которое проходит, когда турист теряется на целые сутки.

-С вами я как вижу, не соскучишься! Я от новой пары туфель отойти не могу, а теперь еще и это – отчитывал меня по-дружески шофер автобуса, который то же любил пошутить, но не такие святые темы, когда в неизвестном пространстве пропадает пассажир, а ты сиди его, и жди.

Следующие полчаса ожидания прошли более и менее спокойно, но туристы по-прежнему не хотели выходить из своего автобуса. Уже через четверть часа начали роптать женщины, когда увидели, что мы единственные, которые остались на причале, когда другие туристические корабли уже покинули городскую гавань. Еще сорок минут в автобусе стояла серая тишина, пока она не взорвалась праздничным салютом в честь моего дорого города. Эта цветная элиминация на несколько минут сняла напряжение с лиц ожидающих людей, но как только она погасла, терпение у всех сразу же и закончилось.

-Мне кажется, что дальше ждать женщину не имеет никакого смысла – возроптал молодой человек. А если она не хочет, чтобы мы ее ждали?

-То есть, как этого не хочет? – переспросил водитель.

-Ну, не хочет и все.

-Вы что серьезно так думаете? Но что может заставить остаться человека в незнакомом городе? – спросил я.

-Да причин может быть сколько угодно. Да, хотя бы любовь.

-Ах, любовь – в один голос произнесли две девушки и нежно затрепетали.

-Ну, если любовь, тогда ждать, действительно не стоит – рассудительно сказал я. Ведь любовь никаких разумных границ не знает, и не признает.

-Тогда мы поедим – молниеносно отреагировал на мои философские размышления водитель, который быстро и ловко высадил меня из автобуса, давая на ходу мне инструкции. Вы еще постоитесь здесь часок другой, и если она появится, то будьте с ней вежливы, как настоящий и гостеприимный житель славного города Э... Ведь вы все здесь такие особенные!...

Последняя часть фразы звучала с высокой долей скептицизма, и я уже хотел что-то резкое ответить водителю транспортного средства, но не успел, потому что дверь перед моим носом закрылась, и вскоре автобус исчез из поля моего зрения.

Впервые в жизни со мной случилась такая неприятность, чтобы по моей вине в городе потерялся турист. Мой! Только где он мог это сделать, все никак не приходило в мою треугольную голову. Ведь от моста до соборной площади вела прямая дорога, и заблудиться

на ней было просто невозможно. От тягостных раздумий у меня разболелась голова, но я ни на шаг не сдвинулся со своего поста, где я все-таки решил дожидаться женщину в черных очках. Только сейчас до меня дошло, почему поиски женщиной заветной площади не привели ее к автобусу. Ей надо было просто снять свои очки, чтобы хоть на мгновение прозреть – подумал я.

Уже было около десяти часов вечера, а город по-прежнему жил своей праздничной жизнью, до истечения которой оставалось еще около двух часов.

Город, словно поделенный на сектора, привлекал внимания публики разнообразными программами: от джаз-оркестров и музыки в стиле кантри, до исполнителей латиноамериканских танцев и одиноких гитаристов, пытающихся исполнить что-то свое. Но больше всего старались и имели как всегда успех веселые повесы, сидящие за столиками, которые и развлекали знакомых и не знакомых людей своими скабрёзными анекдотами, старыми шутками и беззаботными розыгрышами.

Словно одна большая веселая компания высыпала на улицу, и гуляла уже напропалую от всей души. Только я неподвижно и одиноко стоял, как памятник на своем месте и немного выл на луну, от невозможности ни на шаг освободиться от возложенных на меня почетных обязанностей экскурсовода свободного и красивого города Э...

Я даже немного заработал во время своего мучительного стояния, потому что многие принимали меня за статую, которая неизменно двигается, если в мой фонарь бросить несколько монет. Но фонарь был большой, а мелочи было недостаточно, чтобы я решил бросить свою старую работу, и выйти на новую, и я загадал, что, если в течение тридцати минут женщина в темных очках не появится передо мной, то я пойду домой и сразу же приму горизонтальное положение, чтобы сегодняшней день забыть навсегда.

Но вот прошли и они, затем еще двадцать минут, которые я накинул для незнакомой женщины в силу отсутствия у дамочек вообще такого чувства как пунктуальность. И даже щедро мной подаренные еще 10 минут и тридцать секунд, не смогли воскресить женщины предо мной, и я поплелся домой, чтобы исполнить свое единственное желание, а именно лечь спать с высоко задранными ногами вверх. Ничто не могло меня уже остановить, и я мчался как курьерский поезд через все человеческие тупики, ресторанные остановки, и танцующие вокзалы.

Я безразлично смотрел на людей, лишь вскользь касаясь их физических параметров, отдавая предпочтение больше женщинам или сказать вернее только им, но зов природы к продолжению рода во мне отзвучал, оставив лишь одинокое эхо: «Спать. Теперь только спать».

Проходя быстрым шагом, центр города, что-то вдруг светлое полоснуло меня по глазам, и я на какое-то время не мог прозреть. Отражение вечернего фонаря в темных солнцезащитных очках способствовало моей секундной слепоте, и я, двигаясь по инерции, все еще рассуждал: «Какой дурак может носить солнечные очки в лунную ночь?». Но тут я замедлил свой шаг, мысленно перенося все свои слова на образ женщины. - Да, определенно... или какая дура может носить их сейчас?

Ответ мне пришел в голову чуть позднее, и это стоило мне еще несколько шагов в противоположную сторону от цели моих поисков.

- Стоп – остановился я как вкопанный, а не может ли быть это видение, каким либо образом связано с моей заплутавшей туристской.

Я тут же изменил вектор своих поступательных движений на противоположный, и начал глазами ощупывать силуэты впереди идущих людей, но ничего похожего на сформировавшийся образ белокурой женщины я подобрать не сумел. За какие-то несколько секунд женщина в очках появилась у меня перед глазами и тут же исчезла, как будто провалилась сквозь землю.

– Может, тебе все это только показалось – спокойно говорил я себе, а сам ускорил свой шаг

почти до марафонского бега. В каком-то спортивном азарте я решил, во что бы то ни стало найти эту женщину, хотя для чего мне и самому было непонятно.

Наверное, чтобы высказать ей все-то, что я передумал о ней в томительные часы ожидания или все-таки, чтобы вывести этого заблудившегося человека, из каменных стен моего города. Пожалуй, первое умозаключение находило в моей душе более живой отклик, чем гражданская позиция жителя свободного города Э... решившего помочь незнакомой симпатичной женщине.

Блуждая по ночным переулкам города меня, никак не покидала мысль, что я иду сейчас по тому же маршруту своей экскурсии, которую провел лишь несколько часов тому назад. Уже знакомые очертания моста вынырнули из темноты, и я, повинувшись неведомой силе, решил пройти его весь. Вступив на мостовую моста, я отчетливо слышал впереди себя, как стучали женские каблуки, и я шел за ними, чтобы их непременно настигнуть. Но снова пустота стояла передо мной, и я почти отчаялся сорвать на предмете моих поисков свое скверное настроение.

- Ну, только попадись мне – причитал я. Дай мне лишь взглянуть в твои глазки, и я уйду, не сказав вслух ни одного худого слова, потому что молчаливая обида вызывает к совести, к ее угрызениям, когда человек пожирает сам себя изнутри.

О, как я был зол сейчас на туристку, на самого себя, и на все на свете, кто бы знал!

Я прошел уже рыцарскую арку, вступив одной ногой на малую площадь, на которой по-прежнему было многолюдно, и снова окинув все вокруг своим совиным взглядом не нашел никого, кто хоть немного был похож на долгожданный объект моих ночных поисков. Присев на каменную лавку я решил отдышаться для начала, положив рядом с собой темный фонарь и театральную алебарду. Я быстро вытащил нераспечатанную пачку сигарет, нервно разыскивая зажигалку в штанах брюк, но запутался в полах своего плаща, который я так к своему удивлению, и не снял. Но вот чиркнула своими огненными струями кремневая зажигалка, и я наконец-то смог закурить. Несколько первых затяжек вернули мне ровное и размеренное дыхание, затекшие ноги я выставил вперед себя как инвалидные культяпки, задвинул высоко на лоб треугольную шляпу, чтобы следующий голубой дым сигареты осознанно отправить в ночное небо.

На небосводе по-прежнему живые гороскопы щедро обменивались друг с другом звездными горстями, только Дева почему-то все время дрожала, передавая свое богатое приданное на чашу весов. Мой взгляд был устремлен высоко вверх, словно не желая касаться нищей земли с ее убогим и больным желтым светом.

– Какую бы фантастическую экскурсию я бы провел там наверху – подумалось мне, и я начал искать ту отправную точку, от которой я неизменно буду начинать свой ежедневное и любимое ремесло. Мне как всегда в начале было необходимо заинтересовать космическую публику, и найти что-то яркое, запоминающееся, что сразу бросится ей в глаза и долго будет, держать в своем сфокусированном внимании. Я уже нашел эту звезду в созвездии близнецов, и готов был даже назвать ее имя, которая находилась как раз над средневековой башней, что примыкала к церкви на выходе с моста справа.

В это трудно поверить, и я бы нисколько не поверил в то, что вам сейчас расскажу, но что было, то, как говорится, было, а свидетелей, то есть очевидцев, к сожалению не оказалось. Вернее они сидели за столиками ночных кафе и почти не заметили моего стремительного исчезновения, потому что я быстро юркнул в открытые ворота средневековой башни и побежал по лестничным пролетам на самый верх. Лишь на самой вершине мне удалось запечатать свое испепеляющее дыхание в телесную форму, напоминающее по своей форме разогретый сосуд, который готов был взорваться в любой момент. Но все-таки мне удалось почти бесшумно пробраться на просмотровую площадку средневековой башни, которая по форме напоминала прямоугольник примерно четыре на шесть метра. На высоком и относительно широком парапете средневековых стен стояла незнакомая женщина спиной ко

мне. Видно было, что только сейчас ей удалось взобраться на него, потому что она неуверенно пыталась держать баланс своего тела на умопомрачительной высоте. Чтобы не испугать женщину своими неосторожными действиями, я попросил к себе минутку внимания со стороны самоубийцы:

-Так, так, так – многозначительно сказал я.

От неожиданности и от смысловой нагрузки моих слов спина женщины вдруг вздрогнула, затем выгнулась и замерла для последнего броска в бездну.

-Значит, я вас по всему городу ищу, а вы тут. Мило, очень мило.

-Кто вы? – спросила меня женщина.

-Еще пару часов назад я был вашим экскурсоводом. А теперь вы меня уже не узнаете. Ну, что ж, этого и следовало ожидать от бессердечного обывателя – потребителя моих интеллектуальных услуг.

-Аа-а – услышал я то, ли хрип, то, ли стон, как последнее воспоминание человека, о том, что уже кануло в реку времени, и плывет теперь по воле волн смертной реки, имя которой Лета.

-Вы что-то особенное там выглядываете для себя или так праздно проводите свой досуг? – следил я траекторией головы женщины, которая то смотрела вниз, то высоко вверх.

-Что вам угодно? – устало, говорил со мной мой заплутавший турист.

-Мне угодно узнать, ... вы оставили после себя посмертную записку: да или нет? – нервно и нетерпеливо решил я устроить допрос для самоубийцы.

Женщина почему-то молчала, а когда решила мне ответить, снова заговорил я. – Если да, то назвали ли вы меня причиной вашего самоубийства: да или нет?

-К этому вы не имеете никакого отношения – железным голосом ответила мне незнакомка. Успокойтесь.

-Хорошенькое дело успокойся. Я не верю вам.

-Мне все равно, что вы думаете обо мне. Прощайте.

-Но послушайте, это совершенно не интеллигентно, когда кто-то разговаривает с тобой спиной к тебе. Да отвлекитесь вы хоть на мгновения от своего дела, а потом прыгайте себе на здоровье.

Тут женщина впервые взглянула на меня, и от этого взгляда я похолодел.

-Как вы до сих пор не сняли свои темные очки? – ужаснулся я. Ну, знаете смотреть на смерть сквозь черные стекла – это я вижу впервые. Так и зайкой можно остаться.

-Уходите, прошу вас – вдруг тихо пробормотала женщина.

-Что страшно? Страшно - позлорадствовал я. А вы не бойтесь. Прыгайте смело.

Тут на часах ударила полночь, и повеяло чем-то страшным и затхлым. Куранты медленно отбили двенадцать раз и замерли.

-Как раз время для самоубийц – словно напутствовал я путника в дальнюю дорогу. Ну, теперь смело ступайте вниз и ни о чем больше не думайте.

Женщина после моих жизнеутверждающих слов пронзительно на меня посмотрела и сильно стиснула свои губы.

-А понимаю – посочувствовал я. Вам надо настроиться, а тут я лезу со своими советами.

-Помолчите хоть одну минуту - вы ведь сейчас не на работе – попыталась воззвать к моему милосердию невыносимо страдающая женщина.

-А вы знаете, что по вашей вине я был вынужден отработать два часа с лишним. Кто оплатит мне мои сверхурочные часы?

-Сколько? – спросил меня уставший человеческий голос.

-Чего сколько? – сделал я вид, что ничего не понял.

-Сколько вам надо заплатить, чтобы вы убрались наконец-то отсюда – то, ли, просила, то, ли, указывала мне на дверь дамочка, которая все-таки сняла свои жуткие очки.

-Дайте-ка минутку подумать – решил я взять паузу, чтобы не только мной овладели суетные дела, но и моего туриста захватила та ценовая фантазия сверхурочных работ. Итак, два часа помножить на обычную часовую оплату и получим...

Около двух минут я молитвенно рассуждал: то тихо, то громко, виртуозно загибая свои пальцы сначала в десятки, потом в сотни, и почти дошел до одной тысячи, как мои баснословные мысли были разрушены женским не терпеливым замечанием: «Вы что заснули?».

-Ничего я не заснул – огрызнулся я. Я просто долго считаю, как-то не хочется ошибиться. Где я вас потом найду?

-Ну, ... все.

-Не сбивайте меня, пожалуйста. Вот только что, эта сумма была у меня на языке, а теперь и в уме ее не осталось. Теперь снова придется все пересчитывать – раздосадовано сказал я.

-Тогда делайте это как можно скорее и убирайтесь отсюда.

-Мне бы калькулятор. У вас в сумочке случайно нет калькулятора? – наивно спросил я.

-Вы что издеваетесь надо мной!

-Я? Хорошенькое дело! Очень мне надо.

-Тогда прощайте – так легко сказал эти слова мой турист, что я понял, что развязка близка, и мне просто физически не успеть попытаться его спасти.

Тогда что было мочи, голосом обманутого кредитора закричал я: «Вы сначала полностью оплатите земной долг, и лишь потом берите на себя новые обязательства. Ну, ни кому верить в этой жизни нельзя. Каждый, просто каждый мечтает тебя надуть. Ну, что за народ такой...».

-Вот вам моя сумочка, там вы найдете значительно больше, чем я вам должна – словно кость голодной и жадной собаке бросила женщина мне свой земной аксессуар.

-Премного вам благодарен – махнул я головой в знак такой нечеловеческой щедрости. Вот это уже кое-что. Только не прыгайте вниз, пока я не возьму причитающую мне сумму. А то, знаете, после смерти владельца мои действия могут признать как мародерские, а мне бы очень хотелось избежать любых правовых неурядиц.

Я открыл с огромным интересом женскую сумочку и прежде чем пересчитать количество денег причитающихся лично мне, я стал наглым образом рассматривать все дамские атрибуты обольщения. Я бесцеремонно обращался со всем содержимым и кое-что даже выбрасывал из сумочки.

-Что вы делаете? - возмущаясь, спросила стоящая на парапете женщина.

-Какое, собственно говоря, вам до этого дело! Что хочу, то и делаю. Ну, зачем мне мужчине, например женские прокладки? Я их не ношу. Может, вам они еще пригодятся для плавного падения вниз. Все же с ними вам будет более безопасно. Все-таки крылышки, не как у летающего ангела, правда, но уже кое-что.

Но женщину не устроили мои пусть не летающие сами по себе, но как минимум плавно парящие доводы, и я с облегчением продолжил дальше. - Не хотите? Ну, как хотите.

Я вам культурно предложил, а вы по-философски от моего последнего презента отказались. Мило, очень мило с вашей стороны.

Тут я обратил внимание на другое женское сокровище и не смог сдержать недовольной мины. - Вы что пользуетесь косметикой от «Лореаль»? - У меня, знаете ли, от нее раздражение и красная сыпь на лице, поэтому мне тоже придется от нее отказаться.

Я беззаботно отбросил от себя в правую сторону, целый набор дорогой косметики, и остался доволен своим соломоновым решением. - Я вам советую пользоваться ... на будущее все-таки «Мэри Кей». Хотя в вашем положении и она уже не поможет. Но может, вы попробуете этот цвет помады – выбрал я из двух флаконов особенно яркий.

Я даже сделал шаг навстречу женщины, чтобы подать ей из рук в руки полюбившуюся мне помаду, но она была настороже:

-Не подходите ко мне – закричала она. Я сейчас прыгну.

-Что вы так кричите – ужаснулся я и взялся за свое сердце с правой стороны. Я всего лишь хотел предложить вам яркую помаду, она вам еще пригодится...

-Для чего... не понимаю.

-А еще говорят, что перед самоубийством человек прозревает как-то по-особенному, и даже в состоянии прочесть мысли других людей. Ничего вы оказывается, не можете, черт бы вас побрал – заорал я, и тут же осекся. Ой – ударил я по своим губам. Просто нечаянно вырвалось. Он же теперь ваш...

-Кто? Мой?

-А я знаю. Ну, не бог это уж точно. Шеф. Патрон. Начальник. Самоубийство – великий грех, и поэтому вас он уже ждет в аду. А помаду я вам предложил, чтобы вам поэффектнее выглядеть там... внизу. Но, если вам не надо, то и мне она тоже собственно не к чему – сказал я и снова выбросил на каменный пол никому не нужную помаду.– Вот зеркало я себе возьму и гигиенические салфетки. Большое спасибо.

-Почему вы не взяли деньги? – спросил меня в конец, расшатавший мои нервы гадкий турист.

-Я просто не успеваю все делать сам. Что я машина. А где предсмертное письмо? – уже я спросил женщину перерыв всю сумочку вверх дном.

-Дома.

-У меня дома? – переспросил я.

-Почему мое письмо должно быть у вас дома интересно?– снова начала потихоньку заводиться высоко стоящая надо мной женщина.

-А почему, собственно говоря, у вас! - тоже наглым тоном ответил я на бабий наезд.

-Потому что письмо – мое!

-Это ни о чем еще не говорит! Может, меня дома тоже ждет письмо ... и не одно, а целая куча.

-А теперь я начинаю кое-что понимать! Еще с момента начала экскурсии я прозрела, потому что вы сразу показались мне ненормальным, и сейчас я в этом всецело убедилась.

-Вот только не надо обзывать, а давайте трезво рассмотрим все аргументы за и против. Вот если бы у вас была записка в сумочке, или у меня, например, в кармане, то можно было бы говорить о вашем исключительном праве на самоубийство, а так извините. Мы с вами сейчас равны – сказал я и легко забрался на противоположную часть стены. Это я сделал, ни на миг, не отрываясь от своего туриста, а именно, чрезвычайно резво подпрыгнул, как упор

выдвинул свои руки, подтянулся и сел на высокий парапет, качая вверх и вниз своими ногами, чтобы никто не увидел, как они у меня сейчас дрожат.

-Вы что тоже решили умереть? – с болью спросила меня женщина.

-Решил – твердо сказал я. Да, определенно решил – смело я посмотрел с правой стороны в пугающую бездну, и мои ноги начали болтаться еще чаще. - Я всегда знал, что моя смерть ждет меня наверху, когда я к ее изумлению уже буду лежать бездыханно внизу. Вот будет потеха!

-Не глупите – первое разумное слово услышал я от своего туриста и даже повеселел, потому что начал бравировать по горизонтальной площади парапета, но, чтобы оглянуться назад у меня не было никаких мужских сил, потому что всю свою сознательную жизнь страдал от этой клаустрофобии.

-А все равно рано или поздно! – сказал я. Мне так осточертело это никчемное существование, тем более на голодный желудок. Ну, почему самоубийцы не держат в своей сумочке рядом с предсмертным письмом хоть бы рогалик с маслом или комплексный обед из трех блюд, с компотом на худой конец. Обидно.

-Прекратите Алекс здесь устраивать цирк! – начал отчитывать меня ни с того, ни сего самоубийца.

-А что к нам, и цирк приехал - косо посмотрел я на ночной город, но ничего похожего на цветное шاپито не разглядел. Кстати имя мое вы уже знаете, а вот твое мне до сих пор не известно – незаметно перешел я на ты с самоубийцей, чтобы стать к нему ближе.

-Меня зовут Анна.

-Очень приятно познакомиться - от всей души сказал я. Правда, в другой ситуации – я был бы значительно радостнее, но что поделаешь... судьба. От нее как говорится даже на средневековой башне не скрыться. Кстати, почему ты не носишь с собой документы. Ведь нас должны потом будут... идентифицировать. Ну, меня почти сразу опознают, а вот тебя... могут возникнуть непредвиденные трудности.

-Что за трудности? – спросила Анна.

-Ну, как же! Тебе как минимум неделю лежать в холодильной камере... голой...

-А тебе?

-А я в это время буду лежать в тепле, одетый в черный деловой костюм.

-Дома?

-Именно что дома – непроизвольно улыбнулся я. В нашем вечном доме, где пол с подогревом, с внутренним освещением, водопроводом, канализацией и зеленой лужайкой два на два погонных метра.

-Ну, откуда ты только взялся на мою голову – тяжело вздохнула Анна. Ведь все было бы уже кончено.

-Для кого? – с нескрываемым интересом спросил я.

-Для меня. Разве это не понятно.

-Прежде чем, куда либо упасть, необходимо хотя бы посмотреть, куда упадет женский снаряд. Ведь ты не яблоко, а Ньютоны по-прежнему ходят по земле. Ведь не ровен час, и ты обрушишься на светлую голову, и пролומишь ее. И кто же тогда откроет закон всемирного тяготения?

-Что ты имеешь в виду?

-Для самоубийства ты нашла не самое лучшее место. Ведь ты даже не подумала, что твое

тело должно упасть на крышу церкви и с легкостью пробить ее, а там идет служба, ни в чем не виноватых, примерных и богобоязненных прихожан.

-Какая же может быть служба в двенадцать часов ночи! Ты все перепутал.

-Ну, мало ли. Может какое-то тайное общество собирается в этих стенах, а тут ты, – «Небесная Анна», собственной персоной в шестьдесят пять килограммов помноженное на высоту и скорость ускорения.... Это же катастрофа вселенского масштаба. Вот от такого же метеорита и вымерли все динозавры на нашей планете.

-Да ты я вижу фантазер Алекс.

-Кто? Я! Может быть, но я не уверен. Но прежде чем мы с тобой вместе упадем в темную бездну, я бы хотел задать тебе, такой простой и очевидный вопрос. Ну, как самоубийца самоубийце, ответь мне, что толкнуло тебя на этот смертельный шаг?

-Не твое дело – молниеносно парировала мой психологический удар женщина.

-Что-то ветерок поднимается – впервые я обратил внимание на изменение погоды, который решил меня, если не сбросить с этой стены, то хотя бы просквозить. – Так я не услышал ответ на свой вопрос. Я жду.

Так я прождал еще около минуты, но безрезультатно.

-Скучный вы народ женщины – речитативом произнес я. Пытаетесь скрыть то, что давным-давно всем известно. Эта история стара как мир. Ну, из-за чего еще красивая и элегантно одетая женщина решает покончить жизнь самоубийством?! Когда я говорю, об элегантности я не имею в виду твои очки, но, наверное, они у тебя с подсветкой. Дашь поносить, ну, не в этой жизни, так в следующей. Но сейчас не об этом. Потому что на небосклоне женщины с голубыми глазами появился он - роковой мужчина с карим взором.

-Ты все перепутал - это у меня карие, а у него голубые – легко поправила мои рассуждения Анна.

-А я думал, что у тебя глаза черные - это все твои сатанинские очки во всем виноваты. Как ты видишь в них хоть что-то не пойму?

-Не трать время попусту на очки. Я тебе их завещаю – отчитывала меня Анна, и нашла для этого такое непревзойденное по красоте место, что мне от ужаса хотелось кричать. - Лучше продолжай дальше.

- Ну, если ты настаиваешь, то изволь. И так он вошел в твою жизнь, как удар молнии сверху до низа поражает незначительный мозг женщины, как раскат грома оглушает ее слабые ушки, как бархатный ветер ласкает ее белые пряди. Ну, и тому подобное... - запнулся я. Я сегодня как-то не расположен, до конца рассказывать печальную историю, которая окончилась смертью женщины, и еще одной невольной жертвой, не пожелавшей стать безразличным свидетелем одной загубленной жизни. Но сейчас как говорится не об этом.

-Так что было дальше? – допытывала меня на все готовая женщина.

-Анна, ну, ты же сама все знаешь! – взмолился я. Зачем мне снова все пересказывать?

-Я слушаю!

-Не буду – хищно отгрызнулся я в ответ.

-Тогда я прыгну.

-Прыгай мне то что – равнодушно сказал я, и тем самым сильно перегнул палку, потому что на Анну снова нахлынули пыльные воспоминания. – Ну, хорошо, даже поломаться не даешь. Целый день у меня сегодня рот не закрывается, и хоть бы кто-то в него крошку хлеба вложил – пересказывал я уже свою трагическую ситуацию, но моя жизнь на этот момент

никого не интересовала.

-Я с нетерпением жду – и даже здесь между небом и землей, оглушающе стучали словно палочки барабана, игравшие барабанную дробь, женские каблучки.

-А я с нетерпением тебе отвечаю – миролюбиво произнес я. Ваша любовь была как в сказке. Не в такой страшной как эта, но сейчас не об этом. И ты любила его и он, как полагается тебя, по крайней мере, тебе так казалось, пока в один прекрасный момент ты не узнала о нем страшную тайну. Я даже могу перечислить не одну тайну, а несколько, ну, а ты выберешь себе подходящую, на свой вкус. И так он был женат! – смело предположил я.

-Нет – как реквием прозвучал для меня ответ.

Я сделал незначительную паузу.

-Значит, твой любимый завел себе очередную подружку, и это так потрясло тебя, поэтому мы и находимся вдвоем сейчас здесь, а они – там, кувыркаются, небось, сейчас в постели, и на нас им совершенно наплевать.

-Холодно – как нож саданула мне в грудь интонация Анны.

-Тогда мне остается предположить самое страшное. Он оказался гомосексуалистом, и ты его за это не можешь простить. Ну, хоть на этот раз я прав!

-Нет – вдруг так страшно закричал мой заплутавший турист, что у меня подкосились ноги. Нет... нет... самовлюбленный идиот – он умер. Его больше нет. Понимаешь, нет!

Признаюсь, что такой ответ в мои драматургические планы никак не входил и застал меня врасплох, да, так, что от страшного предчувствия заныло мое сердце, и все во мне заходило болезненными волнами. Я молчал и впервые не знал, что сказать.

-Ну, что иссяк твой фонтан красноречия... экскурсовод. Тебе больше нечего мне сказать. Эх, ты!

-Как это случилось? – серьезно спросил я. Сейчас ты можешь, мне об этом рассказать.

Анна долго колебалась, но, собравшись с силами, произнесла:

-Это была автомобильная катастрофа. Он умер мгновенно....

-Как его звали?

-Его нет, и это больше не имеет никакого значения – как будто не слыша меня, словно сама с собой говорила Анна. Все кончено.

-Как его звали? – настойчиво попросил я все-таки ответить на мой вопрос.

-Допустим, так же как и тебя. Теперь ты понимаешь, что я должна умереть. Мы всегда хотели умереть вместе.

-Алекс так хотел? – спросил я, но сейчас женщина хоть и смотрела на меня, но мне казалось, что через меня и призывала кого-то По-имени. Чтобы не произошло никакой обычной путаницы с именами, я сказал: «Я сейчас не себя имею в виду, а то умного и благородного человека, который говорил эти слова. Я ни сколько не оспариваю всего сказанного им, но уверен, что он не имел в виду ту ситуацию, когда его любимая должна прыгнуть с тридцатиметровой высоты и разозжить себе голову до такой степени, чтобы ее никто не смог узнать после этого. Чтобы кровь ее бежала по мостовой, потому что она не поняла самого главного - что умирают в один миг только от счастливой жизни. Нет от боли, не от отчаянья, а на пике своего чувства, и именно оно, и бессмертно в истории двух любящих людей. Как ты этого не поняла!».

-У меня и была счастливая жизнь. Мне больше нечего желать. Все было и все прошло. Живи долго и счастливо Алекс. Я тебе завещаю хранить память обо мне и о нем, кого уже не

воскресить.

-Ну, хорошо, счастливая жизнь у тебя была, а у Алекса? – с ожесточением спросил я.

-Наверное – неуверенно сказала Анна.

-Не, наверное, а точно была, потому что не любить такую женщину, как ты просто невозможно. Ну, если со своей жизнью ты хочешь покончить, то почему с жизнью своего Алекса так неразумно обращаешься.

-Я не понимаю тебя – головой замотала по сторонам женщина.

-Со своей жизнью ты вольна поступать, как хочешь, а вот с жизнью, с памятью Алекса так поступать не смей – как реквием читал я лучшие страницы из жизни незнакомого мне Алекса, а может быть уже и своей. Это кошунство. Ведь он жив в тебе. Пока еще жив, но ты его можешь, снова убить и этой смерти ему уже не пережить. Теперь выбирай – устало сказал я. За нас двоих, нет, уже за троих. Все в твоих руках.

-Ты что действительно прыгнешь со мной? – только сейчас поняла Анна, на что я способен ради нее.

-Прыгну! – закричал я. Я... теперь тот Алекс. Может не такой красивый, не такой умный, не такой благородный, но сейчас я стою здесь за него – на того, на кого равнялся я всю свою непутевую жизнь. Кто был моим, нет, не идеалом, а скорее честным другом, добрым товарищем, моим старшим братом. Мое сердце никогда не восполнит той не человеческой утраты, когда рядом нет того, без которого оно не может, и не имеет право биться, но оно дало свою клятву перед памятью Алекса, сделать то, что не успел сделать он, и поэтому нам предстоит тяжелая, непосильная работа, трудиться за себя и за него, и нет ничего выше этого долга. Алекс не может быть просто так забыт, но ты можешь это сделать, когда сбросишь его с этой башни.

-Разве ты знал его? – голос Анны впервые задрожал, и мне почудились горячие, соленые слезы на той искусственной маске, которая наконец-то приобрела живые черты человека, и весь этот холодный, бледный, и искусственный грим начал на ней таить, с каждым разом все больше раскрывая, свои живые потресканные поры.

-Я никогда его не видел, но клянусь, что знал, и чувствовал его всегда рядом с собой.

А теперь решай сама, потому что я устал. Я так робею от этой проклятой высоты, что мне проще шагнуть в эту страшную бездну, чем стоять здесь на самом ее краю. Ты слышишь меня Анна! – от какой-то снова безысходности закричал я, потому что уже не видел перед собой женщины, а только одинокое звездное пространство. На какое-то мгновение я зажмурился, чтобы снова через миг увидеть ту, которая горда, презрела мою помощь. Я открыл глаза, и снова пустота смотрела на меня со всех сторон. – Где ты Анна? Ты слышишь меня – зовом отчаянного космического одиночества пытался я воскресить из праха образ своей небесной Анны.

-Слышу я не глухая – кто-то так близко и отчетливо произнес эти слова, что я невольно вздрогнул. Я давно уже стою рядом с тобой Алекс, только ты этого не заметил. Твой монолог был просто великолепен. Ну, давай и ты слезай. Ведь ты можешь и вправду разбиться.

-Так значит, еще поживем? – неуверенно принял я руку женщины, которая решила помочь мне спуститься с ненавистного мне парашюта.

У меня ходуном ходили руки и ноги, может, поэтому я так неосторожно наступил на полы своего плаща и, взмахнув руками, как черный ворон в безграничном пространстве вступил в пронизывающую пустоту бездны. Кто хоть раз делал этот шаг, хотя бы с табурета на пол, не много не рассчитав высоты своего механического действия, тот, никогда не поймет какой ужас охватил меня в тот момент, когда ты оказываешься в свободном падении всего на несколько секунд, после истечения которых, для тебя все кончается, или еще раньше, когда твое сердце просто разорвется от страха еще до соприкосновения с землей.

Мое падение сопровождалось к тому же страшным криком женщины, который как будто спружинил мое тело и я крепко ударившись головой обо что-то каменное, неподвижно лежал, а возле меня ползала женщина с застывшими от ужаса глазами.

-Если я уже на том свете, то, как ты тут оказался? – первым делом спросил я Анну, как только пришел в себя. Значит, ты то же прыгнула?

-Нет – прижимала мою кровавую голову к своей груди Анна.

-Ты меня обманываешь! Зачем ты прыгнула за мной! – слезно просил я прощения у человека, которого хотел спасти, а на самом деле лишь погубил. Зачем?

-Я не прыгала – убеждала меня женщина. И ты не прыгал.... Ты просто упал.

-Что значит, упал? – возмутился я. Прыжок – это осознанный поступок человека, а падение – это его неудачное неуклюжее действие.

-Это ты моя удача, а не твое падение.

-Ой, как у меня все болит – запричитал я. Пролететь семь этажей, и остаться в живых мне же никто не поверит. Опять свидетелей нет!

-А я?

-Ну, какой ты свидетель. Ты такой же Икар, как и я.

-Ты не летел семь этажей головой вниз – нежно целовала меня Анна, хотя я об этом ее совсем не просил. Ты просто упал.

-Что простите? – вырвал я свою голову из рук сердечной женщины. Как же я не падал, когда я тут лежу на земле и плаваю в луже своей крови.

-Мы по-прежнему с тобой на смотровой площадке, а твоя кровь – это мои слезы, которая я пролила, пока ты не очнулся.

-Так что меня еще ждет спуск вниз... без лифта – снова уронил я свою голову на плечо безутешной женщины. Безобразие. Скажи, что ты меня обманываешь? Ты просто пользуешься моим бесчувственным состоянием! Да?

-Но ты и вправду упал, только не вниз. Смотровая площадка состоит не из четырех стен, а из пяти. Ты и встал на нее.

-А зачем на смотровой площадке пятая стена? – спросил я.

-Я не знаю – создалась Анна. Наверное, она выполняла функцию внутренней перегородки.

-Но я этого не знал – отчаянно начал я оправдываться в глазах красивой женщины. Действительно не знал. Я же прыгнул...

-Я знаю. Я все это видела в твоих глазах и в тот момент я увидела своего Алекса.

-Ах, вот почему было столько слез! – какая-то тайная догадка озарила меня, но тут же она в моей голове и погасла. А это точно слезы или?...

-Слезы, слезы – повторяла счастливая Анна, которая, не переставая, отговаривала меня от героического поступка, и плакала.

-Надеюсь не мои – уточнил я на всякий пожарный случай.

-Не твои, не твои – шептали мне уста женщины.

-Ну, хоть это меня радует. Мне уже давно пора встать на ноги, а я почему-то не могу. Такая слабость! Ты мне не поможешь?

-Я все сделаю для тебя.

-Все не надо. Ты прислони меня, пожалуйста, к стенке, нет, лучше к перегородке, а сама пока собери свою сумочку, а то я все разбросал и кое-что даже выбросил. Ты прости меня.

-Какая эта все ерунда – показала своей рукой Анна на акт мужского вандализма над женской сумочкой. Ты мне жизнь спас.

-Кто? Я! Может быть,... но сейчас не об этом. Нам надо спуститься на землю, и для этого мне предстоит пройти сто двадцать восемь ступеней вниз. Ты готова!

-Да, Алекс.

-Ну, и хорошо. Тогда пойдем.

Мы одной ногой уже покинули смотровую площадку, лишь я для чего-то обернулся назад и предложил: «А может, все-таки прыгнем!».

-Теперь ни за что – уверенно сказала Анна, и как сестра милосердия перекинула мою руку себе на плечо и потащила меня вниз.

-Но так будет быстрее - говорил я о преимуществах нового вида перемещения людей в пространстве. Мне больно видеть, как ты надрываешься со мной.

Но Анна ничего не ответила мне и осторожно ступенька за ступенькой опускала меня на грешную землю. Когда мы уже попали на улицу, в городе уже ни кого не было, и мы шли в ночной темноте, как два бесплотных духа крепко переплетенных друг в друга. После городского праздника на улицах валялись горы мусора, и было слышно как один дух, возмущаясь, говорил другому:

-Хоть я и экскурсоводом работаю, но должен признаться тебе, что туристов я просто на дух не принимаю. Я их даже не люблю, потому что они постоянно сорят.

-А я думал, что ты мне завтра покажешь свой город. Ведь я толком ничего и не видел – просил об экскурсии женский дух мужского.

-Всему виной твои очки. За ними же ничего настоящего и не увидишь. Но ты не могла бы мне их дать на время? – попросил я.

-Зачем они тебе? – допытывала меня Анна.

-Я просто не могу видеть этого туристического безобразия в виде пустых бутылок, разбросанных картонных коробок, кучи окурков, раскиданных газет, и полных мусорных баков.

-Вот возьми их – как черную вуаль предложила мне Анна.

Через мгновение, когда очки оказались на моих глазах, настроение у меня заметно улучшилось, и я начал вести свою обычную экскурсию по городу, который снова стал мне близок и дорог. Только я, почему все время путал улицы с переулками, площади с тупиками, памятники с одинокими прохожими. Может, поэтому мой настоящий и преданный турист зажег в ночи для меня одного светильник, и нес его впереди, чтобы я окончательно не сошел с ума.

-Давай я понесу свой волшебный фонарь – предложил я свое мужское участие. И пику то же дай мне.

-Ты лучше носи свою шляпу, и смотри снова не наступи на полы своего плаща – подтрунила надо мной кареглазая женщина, а я от этого, не зная почему, еще больше радовался и бросал свою треуголку высоко в небо, а потом долго искал ее в темноте.

-Ну, а если я даже упаду, то, это совсем не страшно. Ведь я же с земли буду падать, а ты мне pomoжешь снова подняться. Ведь так?

-Да. Все именно так и будет.

-Только прежде чем поднимать меня ты должна убедиться, что я живой, и для этого подойдут твои живительные слезы и...

-И что еще? – спросил меня ночной турист.

-И поцелуй – неуверенно сказал я, и с надеждой посмотрел в глаза Анны. Только после них

я буду в состоянии самостоятельно встать ногами, и вести свою очередную экскурсию.

-А куда мы сейчас идем? - тихо спросила меня Анна.

-Не знаю – честно признался я. Я сам в этом городе впервые. Все-таки очки – это вещь. Я ничего не вижу, как безглазый крот. Кто их придумал, у того определенно были навязчивые видения.

-Ну, сними же их Алекс.

-Уже – безропотно подчинился я робкому пожеланию со стороны женщины.

-И все-таки, куда мы идем?

-Разве не все равно – ответил я. Главное с кем идешь!

-А с кем ты идешь Алекс?

-Я иду с Анной, а ты...

-А я иду с Алексом – закончила за меня, мою же умную фразу в принципе не глупая женщина, правда несколько чувствительная, как и все ее родные сестры.

-Правильно – согласился я. Лучше и не скажешь. Теперь я хочу спросить тебя еще кое о чем?

-Спрашивай – уверенно сказала Анна. У меня от тебя секретов больше нет.

-Как самоубийца самоубийце хотел бы задать тебе нескромный вопрос: ты больше не будешь этого делать?

-Не буду.

-Чтобы не случилось?

-А что может случиться? – сразу же, ну, на ровном, на гладком, на самом идеальном месте испугалась, и заволновалась смелая женщина.

-Теперь случиться с нами, может только хорошее и ничего другое. Но ты не ответила до конца на мой вопрос.

-НЕ БУДУ. ЧЕСТНОЕ СЛОВО НЕ БУДУ – вот так во весь свой человеческий голос и бессмертный дух, заглавными буквами на своей и на моей жизни написала Анна свою принципиальную позицию.

-Смотри, ты дала мне свое честное слово, а это уже само по себе многое значит – таинственно улыбнулся я своему личному туристу. Ведь слово – это всегда начало...

-Начало чего? – удивленно спросила Анна.

-Всего божественного. Ведь вначале всего было Слово, и слово было с Богом, и Слово было богом. Все появилось через него и без него ничто не появилось. То, что появилось с его помощью, была жизнь, и жизнь была светом для людей. И свет сияет во тьме, но тьме его не одолеть (Иоанн 1:1-5). Так что приготовься? - с вызовом сказал я.

-К чему? – спросила меня Анна.

-К свету, который мы обязаны пронести в себе через все наше время. Теперь только к нему. Ни смотря, ни на что.